

ЛЕВ ЗАКУТИН. «О ЧУВСТВЪ И ЧУВСТВЕННОСТИ».

Философскій этюд. «Космос», Париж 1937.

Читателя, далекаго от философіи, заглавіе книги Льва Закутина может легко ввести в заблужденіе. Под философским этюдом о чувствѣ и чувственности гораздо естественнѣе представить себѣ психологическій набросок по философіи любви, чѣм философское изслѣдованіе давных тоталитарнаго сознанія. Слово изслѣдованіе впрочем не примѣнимо к работѣ Закутина. Его книжка (в ней всего только 121 страница) не изслѣдованіе природы созанія, а лишь интересный, сложный и всеохватывающій план такого изслѣдованія. Эпиграф, украшающій книжку, претендует, впрочем, на большее, а именно на высказываніе новых мыслей. Я не говорю, что этих новых мыслей в этюдѣ Закутина нѣтъ, но этюд написан в таком стилѣ, что вопрос об оригинальности анализов автора неразрѣшим. Книга Закутина почти-что записная книжка философа. Ея дикція интимна, афористична и лабораторна. Автор говорит как-бы сам с собою. Он строго опредѣляет один за другим всѣ вводимые им термины, по эти опредѣленія носят авторитарно-формальный, иногда, кажется, чисто словесный характер. Автор нигдѣ не связывает своих опредѣленій ни с организующим центром своей мысли, ни с опредѣленіями родственных ему философских систем. Всякое-же философское опредѣленіе возможно исключительно только как вычлененіе отдѣльных философских понятій или в цѣлостность своего собственнаго философствованія, или в объемлющую цѣлостность міровой философіи.

Несмотря на то, что Л. Закутин нигдѣ не опредѣляет себя как феноменолога, вряд-ли возможно сомнѣніе в том, что он во многих отношеніях весьма близок к феноменологii Больцано, столь блестяще возрожденной в началѣ столѣтія только-что скончавшимся Эдмундом Гуссерлем. Высказанная, правда, лишь мимоходом, Закутиным мысль, что «рѣшеніе» философских вопросов заключается прежде всего в их «уясненіи» и что задача философіи не в построеніи отвлеченных систем, а в постиженіи «фактов», т.-е. конкретных данных того сознанія, внутри котораго находится мір, очень близка глубокой мысли Гуссерля, что объективности философіи мѣшает глубокомысліе конструктивно произвольных систем, прежде всего систем нѣмецкаго идеализма. В связи с этим положеніем Гуссерля мнѣ представляется важным отмѣтить тот факт, что Гуссерль, будучи чистым ученым, весьма далеким от всякаго христіанства, создал философію болѣе легко уживающуюся с ним, чѣм христіански-гностическая система стараго Шеллинга. Подчер-

киванием этого обстоятельства я хочу сказать, что в качестве христианского философа Л. Закутина находится на методологически вполнѣ правильном пути.

Книга Закутина распадается на три части: на часть логическую, эстетическую и этическую. Теоретическая часть утверждает «тоталитарность сознания», для котораго нѣтъ ничего внѣшняго, и описывает имманентные ему моменты міра: ощущение, представленіе, матерія, вещь, факт, эмоція.

Вторая часть изслѣдует главным образом три вопроса: во первых классическій вопрос Декарта, Мальбранша, Спинозы, Лейбница, вопрос психофизическаго параллелизма; во вторых, не менѣе классическій вопрос трансцендентальной эстетики Канта, т.-е. вопрос времени и пространства в их отношеніи к нашим ощущеніям и представленіям и в третьих, наконец, вопрос взаимоотношенія желанія и воли, который представляет собою как-бы переход к третьей, этической части книги.

Эта третья часть, самая короткая, но, быть может, и самая интересная часть книги. В качестве глубоко продуманнаго философскаго вопросника она может и не философу дать много матеріала для живого раздумья над сложными вопросами человеческой жизни. В ней вырисовывается духовный облик автора, его христианская вѣра в дух, как в зиклительное начало міра, в сознание, как в «умаленный дух», в свободу, как в побѣду духа над чувственностью и воли над желаніем, в любовь, как в высшее чувство и т. д.

Книга Закутина не популярная книга. Она требует проработки, а не простого прочтенія. В ней много интересных мыслей. Как на примѣр укажу на мнѣніе Закутина, что Гегель ошибочно считал, будто діалектическія триады идут по прямой, а не по кругу, или на его упрек Канту, что он не различал ощущеній и представленій. Что касается замѣчанія о Гегелѣ, то о нем можно было-бы спорить, если-бы оно было высказано болѣе обстоятельно (очень совѣтовал-бы автору продумать свой тезис по прочтеніи соответствующих глав книги Рихарда Кронера «Von Kant bis Hegel»). Что же касается Канта, то не возможно сомнѣваться в том, что Кант строго различал ощущенія (Empfindungen) и представленія (Vorstellungen) (ср. § 2 «Трансцендентальной эстетики»).

Важнѣ этих отдѣльных неточностей недостаточная выясненность основного понятія автора, понятія сознания. Говоря, что сознание тоталитарно, что «всѣ возможныя дѣленія возможны внутри сознания», которое «не воспринимает мір и вещи, но творит их», автор не может конечно, имѣть в виду эмпирическаго сознания человѣка, хотя нѣкоторые срывы в сторону так называемаго «физиологическаго идеализма» у него и имѣются. Как ни важно, однако, отграниченіе индивидуаль-

эмпирического сознания от тоталитарного сознания философии, его одного для современной философии мало. Оставляя в стороне детали отдельных гносеологических учений, мы все-же не можем не отличать «трансцендентальной апперцепции» Канта, от гносеологического субъекта неокантианства и трансцендентального «его» феноменологии от сознания Бергсоповского интуитивистического имманентизма. Очень внимательно прочтя книгу Закутина, я все-же не могу дать себя ясного отчета в том, чем сознание его концепции отличается от сознания перечисленных систем.

Заканчивая свою рецензию мне хочется указать на то, что я так критично отнесся к книге молодого автора лишь потому, что для меня совершенно очевидны ее большие и притом не только теоретические достоинства. Если признать верной мысль Закутина, что практическая философия всегда важнее теоретической, ибо «*primum vivere, deinde philosophari*», то необходимо признать и то, что духовно напряженное философствование в смысле жизненного служения много важнее выработки более или менее совершенных книг. В том, что такое напряженное служение идеалу в книге Закутина налицо, сомневаться не приходится. Без того психологического подвига, который сам Закутин описывает в своей книге как вторую стадию аскетизма, требующего «равнодушия к комфорту, безсеребренничества, отсутствия карьеризма и ложного честолюбия», написать такую книгу, как «Чувство и чувственность» в тяжелой эмигрантской жизни нельзя. Непремьнно смалодушествуешь. Закутин рискнул. Будем надеяться, что в награду за риск автору будет дана возможность дальнейшей разработки захвативших его проблем.

Ф. Степун.